

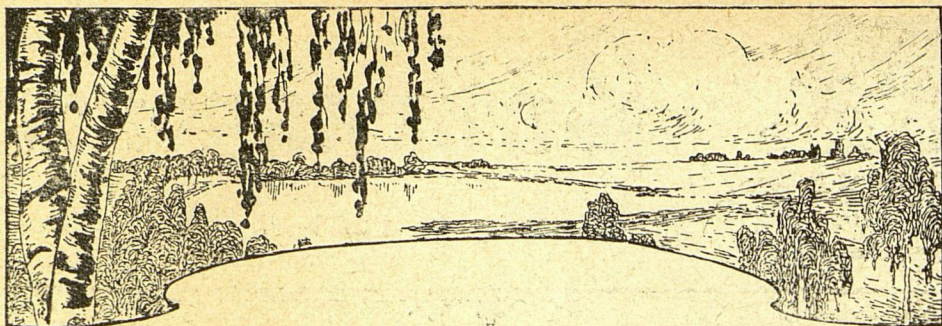

Свѣтлячокъ

1903 г. ◦ годъ II. ◦ № 8.

Не хотите ли,—угошу!..

Дѣвочка съ голубыми глазами.

Вася шелъ въ школу и въ нижнемъ этажѣ одного дома вдругъ увидалъ у раскрытаго окна очень хорошенькую дѣвочку съ голубыми глазами.

Она была такая бѣленькая; такой нѣжный, розовый румянецъ заливалъ ея щечки; глаза ея такъ блестѣли, что Вася просто залюбовался на нее. На ней былъ свѣтлый лѣтній костюмъ, сшитый свободно и очень мило. На головѣ ея была повязана голубая ленточка, а густые, бѣлокурые волосы причесаны, совсѣмъ какъ у взрослой.

„Какая хорошенькая!“ — подумалъ Вася. — „Чья она? не знаю... Ни разу я не встрѣчалъ ее нигдѣ“...

И послѣ того онъ часто видѣлъ эту дѣвочку у окна.

То она сидѣла, откинувшись на спинку кресла и протянувъ руки или сложивъ ихъ на колѣняхъ; иногда на колѣняхъ ея лежала раскрытая книжка, и дѣвочка какъ-будто задумывалась надъ нею; то она сидѣла, склонившись на подоконникъ, и ея блестящіе, широко раскрытые глаза пристально, задумчиво смотрѣли куда-то вдаль.

У Васи не было ни брата, ни сестренки,—не съ кѣмъ было ему поиграть. Его товарищима мальчишки—такіе несносные шалуны, постоянно ссорятся, дерутся, порой и Васю обижаютъ.

Васѣ очень понравилась эта милая дѣвочка, такая тихая, скромная. Хорошо было бы поиграть съ нею въ серсо, въ мячъ!.. Она, навѣрное, не обидѣла бы Васю.

Васѣ хотѣлось бы познакомиться съ нею. Но какъ это сдѣлать?.. Онъ даже не знаетъ, какъ ее зовутъ...!

* * *

Однажды весной, въ концѣ мая Вася возвращался домой изъ школы довольный и счастливый. Онъ отлично выдержалъ послѣдній, самый трудный экзаменъ. Идя по улицѣ, онъ

весело размахивалъ своею сумочкой, вполголоса напѣвая „Попрыгунью Стрекозу“.

Проходя мимо знакомаго окна, Вася увидалъ, что дѣвочка съ голубыми глазами сидитъ на своемъ обычномъ мѣстѣ, откинувшись на спинку кресла. Одну руку дѣвочка опустила на лежавшее у нея на колѣняхъ какое-то начатое рукодѣліе, а другая рука ея свѣсилась. Дѣвочка какъ-будто задумалась или дремала.

„Ей, вѣроятно, скучно... Она постоянно одна!“ — подумалъ Вася. — „Развѣ заговорить съ нею? Позвать ее гулять“...

— Дѣвочка, пойдите въ Дѣтскій Садъ! — вполголоса, нерѣшительно промолвилъ онъ, вставая на цыпочки и стараясь заглянуть въ окно.

Дѣвочка ничего ему не отвѣтила.

— Что вы сидите все одна?.. — смѣлѣе заговорилъ Вася. — Посмотрите, какая отличная погода! Тихо, тепло, солнышко... Небо голубое... Слышите, какъ въ саду птички поютъ!

Дѣвочка все молчала.

„Она, вѣроятно, задремала — и не слышитъ“... — подумалъ Вася.

Тогда онъ опустилъ свою сумочку на землю, ухватился руками за подоконникъ и, вско-

чивъ на приступочекъ стѣшы, заглянулъ въ окно.—„Если она дремлетъ, я разбужу ее!“—рѣшилъ онъ про себя. Но нѣтъ! она не спитъ и не дремлетъ. Глаза ея открыты... Вася—въ недоумѣнн.

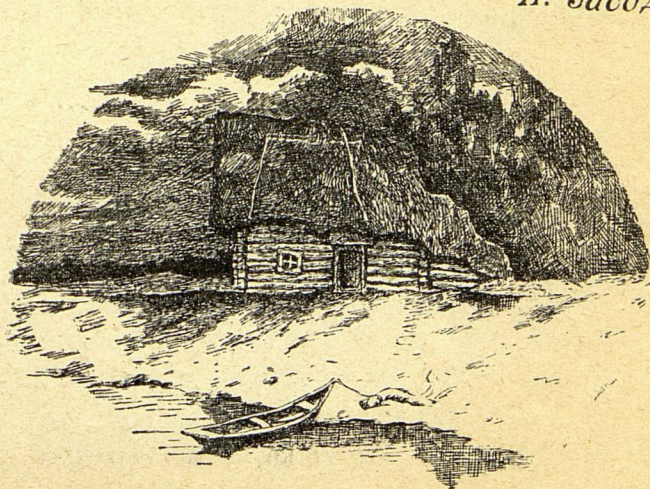
— Что же вы молчи...—началь онъ, пристально всматриваясь въ дѣвочку, — и вдругъ запнулся.

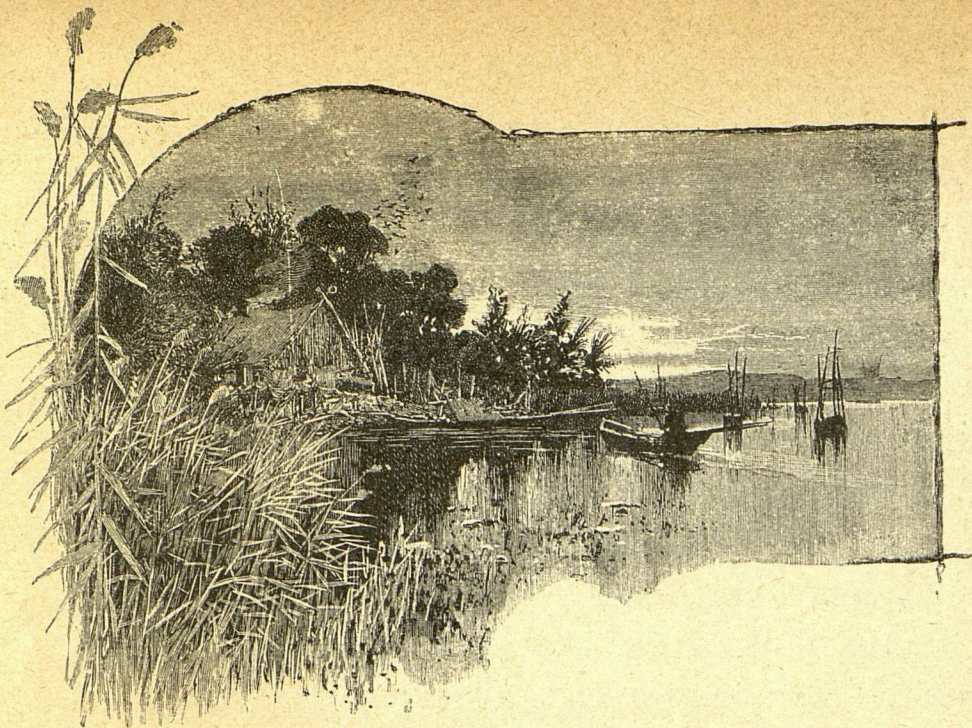
— Да это — кукла!—протяжно прошепталъ онъ, соскочивъ съ приступочка.

Вася схватилъ свою сумочку и быстро, не оглядываясь, пошелъ домой. Ему было и стыдно, и смѣшно, и жалко, что онъ куклу принялъ за дѣвочку...

Много такихъ большихъ куколъ, похожихъ на живыхъ дѣвочекъ, дѣлаютъ для продажи.

П. Засодимскій.

Въ школьные годы.

Старшій братъ пришелъ изъ школы,
И кричитъ ужъ изъ дверей:
„Ахъ, какъ я проголодался,
Пообѣдать бы скорѣй!“

Одного его и ждали,
Столъ накрытъ, готовъ обѣдъ...
Все семейство въ полномъ сборѣ:
Бабка, мать, отецъ и дѣдъ...

И сестренки, и братишка...
Словомъ, все на мѣстѣ тутъ...

Пять минутъ прошло,— не больше,
Какъ изъ кухни супъ несутъ.

— „Ну, рассказывай, пріятель,
Что тамъ дѣлалось у васъ?“ —
Шутить дѣдушка, и школьникъ
Доложилъ о всемъ сейчасъ:

— „По закону да по-руски
Нынче вызвали меня,
А во время перемѣны
Ужъ была у насъ возня“...
Все рассказываетъ мальчикъ,
Любо-весело ему...
И завидуетъ братишка
Младшій—брату своему.
Хорошо, какъ видно, въ школѣ,
Дѣтямъ—прямо благодать!..
И отца туда онъ проситъ
Поскорѣй его отдать...

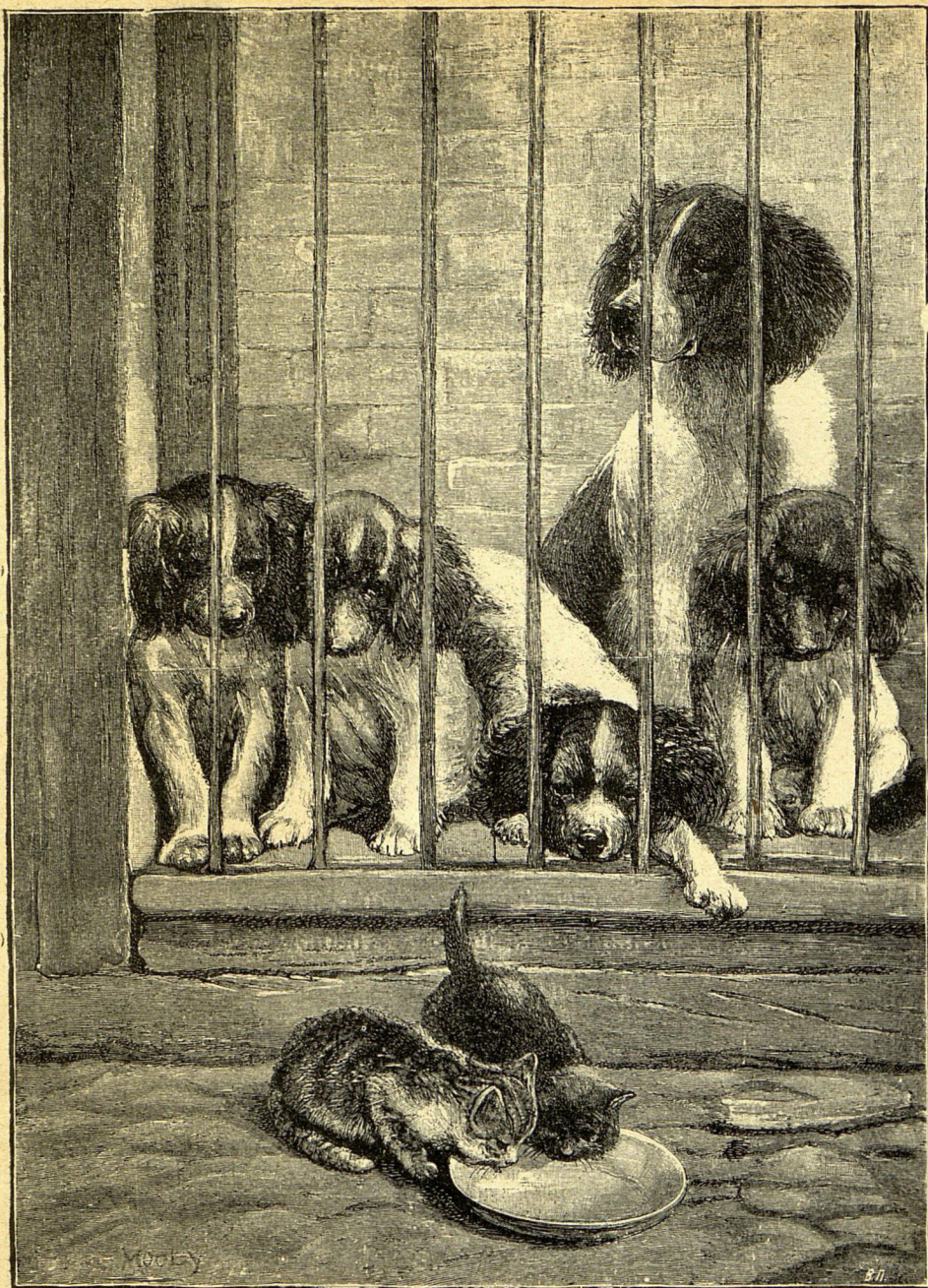
— „Слушай, папа, ты не смѣйся...
Я серьезно... не шучу...
Поступить немедля въ школу
И учиться я хочу“...

— „Погоди, мой мальчикъ милый,
Знаю, хочешь отъ души
Ты учиться, но спокойно
Жди всего и не спѣши.

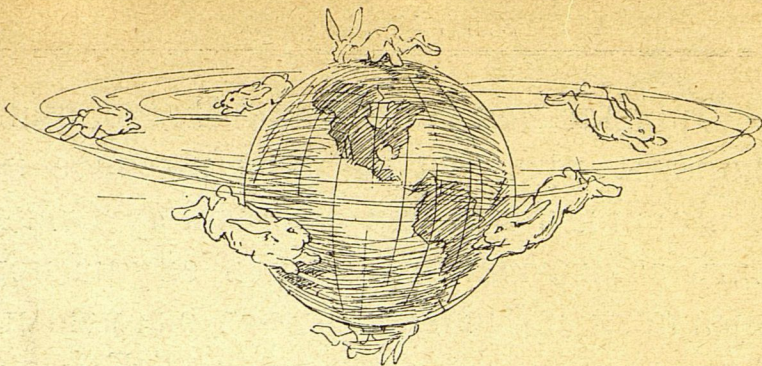
Для всего свое есть время,
Все наступитъ въ должный часъ...
Жизнь еще передъ тобою,
Припасай лишь силъ запасъ!..“

Л. Медвѣдевъ.

Да подѣлитесь съ нами, господа котята!..

Зайчишка-трусишка.

(СКАЗКА).

Въ лѣтнюю лунную ночь выпрыгнулъ изъ-подъ куста зайка, молоденькій, сѣренькій, пучеглазый. Выпрыгнулъ, осмотрѣлся, подпрыгнулъ отъ радости, перекувырнулся и сѣлъ.

Сѣлъ косою, повелъ носомъ, потянулъ сладкій ночной воздухъ и почуялъ запахъ заячьей травки-кислички.

Взыгралось сердце у зайки, кинулся онъ искать любимый листочекъ, живо отыскалъ чуткимъ носомъ и усѣлся завтракать. Ахъ, какъ славно захрустѣла подъ зубами сочная травка! Отъ удовольствія сталъ онъ усами поводить, длинными ушами пошевеливать.

Вдругъ ушко задѣло объ ушко и хлопнуло; услышалъ зайка шумъ надъ головой, перепугался и закричалъ:

— Пропала моя головушка! Видно, пришелъ мой конецъ, рушится на меня высокое небо!..

И выронилъ изо рта лакомый кусочекъ. Не помнилъ зайка, какъ рванулись ему на помощь длинныя ноги, крѣпко ударились о землю и подкинули его выше куста стоячаго... Какъ стрѣла, вытянулся зайка, крѣпко прижалъ длинныя уши и помчался, полетѣлъ черезъ пни и кусты.

Долго летѣлъ онъ, ни живъ ни мертвъ, но, наконецъ, выбился изъ силъ и упалъ на землю. Отдышавшись немного, глянулъ зайка вверхъ и разомъ успокоился.—Спокойно стоитъ надъ нимъ высокое небо, какъ брилліанты переливаются въ немъ частыя звѣздочки, словно на него, зайку, лучами указываютъ.

Легко стало на душѣ у зайки, застыдился онъ небесныхъ звѣздочекъ и, отдохнувъ немного, побѣждалъ дождать вкусный завтракъ...

Но только хрустнулъ подъ зубами край сладкаго листочка, поднялась вдругъ на дубѣстая пташекъ, зашумѣла листьями и взвилась вверхъ. Помертвѣлъ косою, да и думаетъ:

„Пришелъ мой конецъ... Сорвался, несется вверхъ темный лѣсъ“...

И опять ушла въ пятки душа у зайки, подхватили его длинныя ноги и помчали,

понесли во весь духъ все впередъ, да впередъ...

Долго-ли, коротко-ли бѣжалъ онъ, но наконецъ опомнился, набрался храбрости и глянулъ назадъ. Видить: спокойно стоятъ дубы могучіе, лишь темными вершинами ему вслѣдъ покачиваются.

Вздохнулъ зайка, пригорюнился и возропталъ на свое безтолковое сердце... Потужилъ, погоревалъ и опять поскакалъ къ вкусному завтраку.

Но не давалась ему что-то сладкая ѣда. То и дѣло поднимало тревогу заячье сердце, мигомъ подхватывали и уносили его длинныя ноги. Чуть не умеръ зайка отъ крика филина, едва не задохся отъ тѣни летучей мыши...

Кое-какъ, съ грѣхомъ пополамъ, насытился онъ и надумалъ воды напиться. Да не крѣпко ужъ держалось въ немъ заячье сердце, такъ и рвалось, и пророчило бѣду неминуемую.

Чуть слышно подкрался зайка къ сонной рѣчкѣ, дрожа, приникъ къ тихой водѣ, еле дыша, потянулъ прозрачную струйку. Но вдругъ что-то съ шумомъ и трескомъ ударилось въ воду. Обмеръ косой, не допилъ глотка и чуть живой понесся отъ страшной рѣчки какъ можно дальше.

На ту пору ползъ поблизости муравей-работникъ. Давно ужъ ползъ онъ и видѣлъ, какъ лягушка, задумавшись на камнѣ, упала въ воду и до полусмерти напугала косога зайку. Засмѣялся муравей:

— Ахъ, ты, зайчишка-трусиска! Ни попить тебѣ сладко, ни поѣсть... Всегда ты трепещешь: и шелеста листьевъ, и плеска воды, и птичьяго крика боишься. Даже собственныхъ ушей ты, косога, пугаешься... Нѣтъ, дружище, не надо мнѣ ни твоего заячьяго сердца, ни безтолковой головы, ни проворныхъ ногъ!..

Еще не кончилъ муравей, какъ зашумѣло, засвистѣло въ лѣсу, и пошелъ по кустамъ гулъ и топотъ... И не успѣлъ опомниться зайка, какъ подняли его длинныя ноги и, полумертваго, упрятали въ темный кустъ. А муравей, тѣмъ временемъ, прислушался да оглянулся... И видитъ,—несется на него во весь опоръ длиннорукій осель, а за нимъ по пятамъ—стая голодныхъ волковъ... Засѣменилъ муравей всѣми своими ножками, да недалеко ушелъ. Взвилось надъ нимъ ослиное копыто и обрушилось на него.

Пронеслась бѣда, умолкъ страшный топотъ, скрылась голодная стая, но не всталъ муравей, и только изъ-подъ куста выпрыгнулъ сѣрый зайка. Очнулся зайка отъ страха, и не

миль ему показался бѣлый свѣтъ, забыть онъ о вольномъ житьѣ, о сладкой ѣдѣ; осудилъ онъ свое заячье безтолковое сердце и прыткія, длинныя ноги...

Не весело стало косому, и лютая грусть-тоска закралась въ малое сердце. Лѣнливо побрелъ онъ по дорожкѣ и вдругъ увидѣлъ знакомаго муравья. Лежитъ муравей раздавленный. Удивился заяка, сѣлъ на заднія лапки, разставилъ переднія и крѣпко задумался.

И вдругъ, словно что-то свыше осѣнило его, и взмолился онъ:

— Слава Тебѣ, Создатель нашъ, да будетъ много разъ благословенна премудрость Твоя! Никого не оставилъ Ты заботой Своей, и нѣтъ въ этомъ мірѣ обширномъ ни забытаго, ни беззащитнаго. Кому далъ Ты могучую силу, кому свѣтлый разумъ, отважное сердце, кому острые когти, крѣпкіе клыки... Не забылъ Ты и зайку малаго... Не даромъ далъ Ты ему робкое сердце, да быстрыя ноги.

И легко стало у зайки на сердцѣ, еще легче стало въ быстрыхъ ногахъ.

Прыгнулъ онъ выше куста зеленаго, и весело помчался къ роднымъ мѣстамъ.

Л. Черскій.

Про одну лошадь.

(БЫЛЬ.)

Была у одного хозяина лошадь. Выгнали ее съ другими лошадьми на лугъ, а она хромаетъ. Наканунѣ ковали лошадь, такъ, вѣрно, или кузнецъ гвозди загналъ неловко въ копыто, или подкова неудобно прибита была. Весь день лошадь мало ѣла и все поднимала ногу.

На другое утро лошадь исчезла съ пастбища.

Стали искать ее,—нѣтъ нигдѣ. Пришелъ хозяинъ на лугъ.

— Гдѣ же лошадь?—спрашиваетъ пастуха.

— Да не знаю, баринъ. Словно провалилась сквозь землю. Побѣждали ребята искать ее въ саду.

— Когда она ушла?

— Да утромъ я прихожу въ конюшню,—болтъ вынуть, дверь растворена. Не украли ли ее у насъ, право?

— Да это она сама сдѣлала,—говоритъ баринъ,—посмотрѣть надо, не осталось ли слѣда ея зубовъ на деревянномъ болтѣ.

Пошли и видятъ,—точно, валяется болтъ, а на немъ глубокіе слѣды широкихъ зубовъ лошадиныхъ.

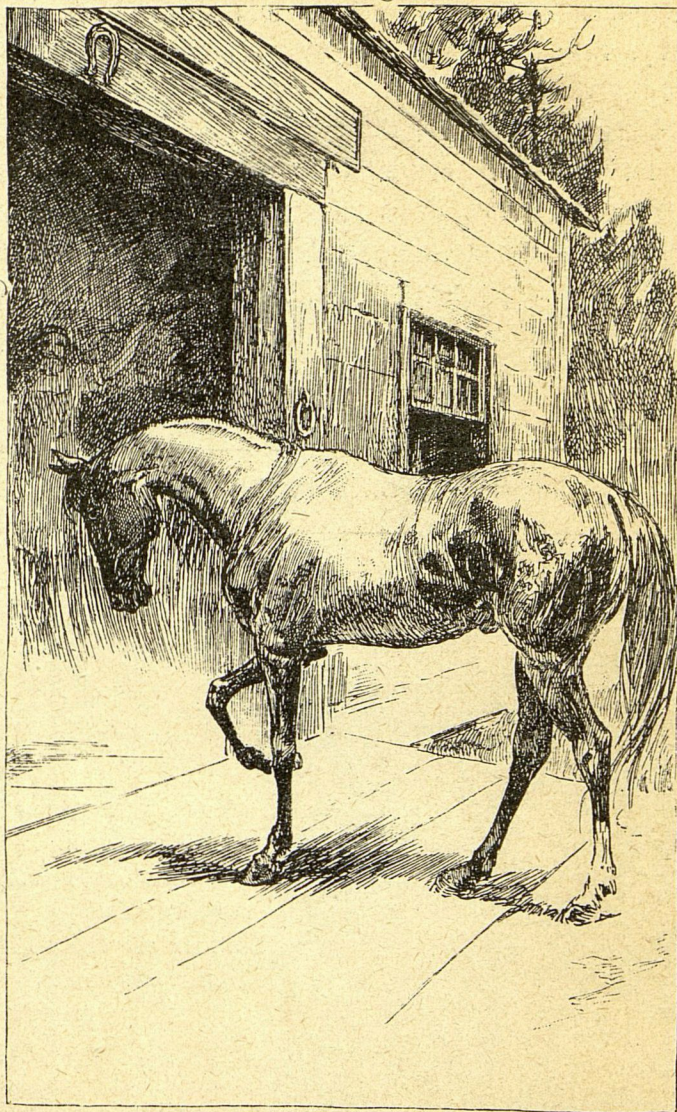
Вечеромъ пришелъ къ барину кузнецъ изъ сосѣдняго селенья, веретъ за пять отъ нихъ, и говоритъ:

— А у меня нынче ваша лошадь была, Сѣрко. Пришла и говоритъ, что я ее плохо подковалъ. Вотъ что,—ха-ха-ха!

— Т.-е. какъ это—говорить?

— А вотъ какъ. Подошла она ко мнѣ совсѣмъ близко, подняла переднюю ногу и мнѣ показываетъ: „Дескать, нѣ вотъ, полюбуйся на свою работу!“ Да еще стала рыть ногами землю,—эхъ, молъ, ты, кузнецъ!.. Мнѣ ногу больно!..“

— Неужели все это такъ и было?

Лошадь у кузнеца.

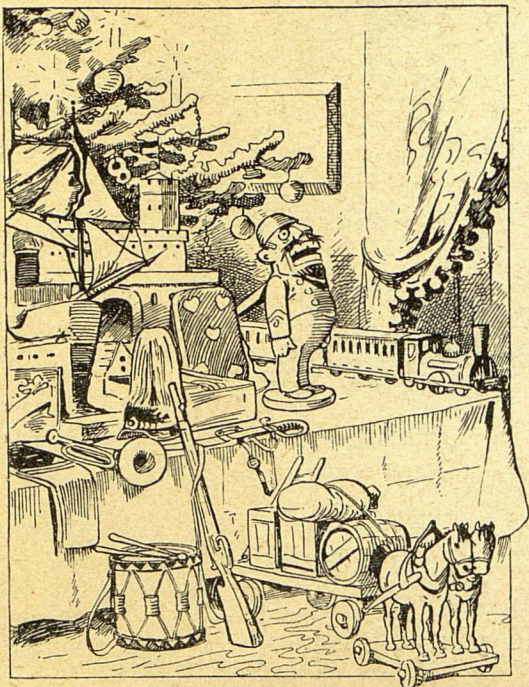
— Да нѣтъ, больше того: Сѣрко стоялъ, какъ вкопанный пока я отдиравъ подкову и новую налаживалъ. А когда я кончилъ работу, такъ заржалъ весело такъ-то, и побѣжалъ по дорогѣ къ вашему имѣнію.

— Гдѣ же она теперь?

— А на лугу. Я сейчасъ мимо шелъ, такъ видѣлъ ее тамъ.—И конюхъ вашъ радъ радехонекъ, что Сѣрко отыскался. Да и то сказать, рѣдкая лошадь. А я передъ ней,—точно, страхъ виноватъ. Плохо вчера подковалъ. Не сердитесь, баринъ!

Съ нѣм. III.

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА.

Ребенку устроили елку, а самъ онъ и спрятался. Господа! Найдите намъ этого шалуна къ слѣдующему номеру „Свѣтлячка“. Если же мы его найдемъ, то сообщимъ объ этомъ въ № 9 журнала.

